

стелы «с большим правом, чем другие памятники (например, металлические изделия или керамика), могут рассматриваться как археологические свидетельства жизни киммерийцев». Тем самым многочисленные общие выводы автора лишаются каких бы то ни было оснований, поскольку сделаны они безотносительно к конкретному материалу.

Так, автор устанавливает, что воин изображен обнаженным (во всяком случае до пояса) и на этом основании делает исчерпывающее заключение о его костюме. Костюм этот относится к «северно-средиземноморскому» типу одежды. «Надо думать,— пишет Даниленко,— что одетые и снаряженные подобным образом воины жили на берегах южных морей Европы, отображая первую ступень социально-экономического развития. Это были представители тех форм пехотной и колесничной военной организации, которая предшествовала конной военной организации времени Скифии и Гальштата». Он переходит к этнической характеристике киммерийцев, утверждая, что они были «этносом на первой фазе его становления». Решение этого вопроса без учета указаний, данных товарищем Сталиным в труде «Марксизм и вопросы языкознания», невозможно. Автор не учитывает их, дает путающую и неконкретную характеристику «этноса (народа)» и совершает грубую фактическую ошибку, относя киммерийцев к народности, в то время как они представляли собой племена или союз племен.

Странным также представляется вывод о киммерийском центре в Приднепровье, основанный не на исследовании конкретного материала, а на фантастическом сопоставлении Таргитая с тирагетами.

Общее впечатление от рецензируемого тома оставляет желать много лучшего. Редакция «Археологии», очевидно, еще не перестроила своей работы в соответствии с теми требованиями, которые выдвигает перед советской археологической наукой классическая работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В. В. Кротошкин и Н. Я. Мерперт

* * *

И. В. ФАБРИЦИУС, «К вопросу о топографизации племен Скифии» (Археология, т. V).

Статья Фабрициус опубликована в дискуссионном порядке. Нельзя не согласиться с автором, что «вопрос о топографизации племен Скифии является одним из основных при разрешении проблемы происхождения восточных славян...» (стр. 80). Постановка его вполне своевременна и актуальна. Особый интерес данной работы заключается и в том, что она в некоторой степени является как бы кратким итогом многолетних скифоведческих исследований (с 1938 г.), которые велись автором в Институте археологии АН УССР (стр. 50).

И. В. Фабрициус руководствуется «методом порегионального изучения археологических памятников», суть которого сводится к выявлению локальных вариантов скифской культуры. Применяя этот метод, она еще в 1946 г. выделила в Скифии 14 таких «регионов», которые в сопоставлении со сведениями Геродота, по ее мнению, должны дать «весьма твердую основу для восстановления этнокарты Скифии» (стр. 51).

Рассматривая Скифию в пределах геродотовского «четырёхугольника», И. В. Фабрициус устанавливает, что она приблизительно соответствовала территории УССР без ее западных областей. Ставя перед собою задачу выяснить топографию собственно скифских племен, автор исключает из своего обзора все те племена, которые лишь граничили со Скифией, причем учитывает только факты, относящиеся по времени не позднее V в. до н. э. «Итак,— пишет И. В. Фабрициус, перечислив исключаемые из исследования племена,— в середине Скифии остаются следующие племена: четыре скифских — кочевники царские (базилиды, „аристократы“, благородные, вольные) и подчиненные кочевники (просто „номады“), георги (земледельцы), аротеры (пахари); каллипиды (смешанное греко-скифское население около Ольвии); алазоны, будины и гелоны, причем последние три — племена не скифские» (стр. 54).

И. В. Фабрициус помещает в Приазовье и на Нижнем Поднепровье кочевых скифов («царских» и «кочевников»), на Ингульце — «скифов-земледельцев», в пределах ольвийской периферии — каллипидов, выше каллипидов по Бугу — алазонов, в верхнем Побужье — «скифов-пахарей», в обширной лесостепной полосе Среднего Поднепровья — будинов и, наконец, на Тясмине (т. е. тоже в лесостепи, на Днепровском правобережье) — гелоны, которые, по Геродоту, были тесно связаны с будинами.

Дальнейшая судьба племен Скифии рисуется автору следующим образом. Степные скифы, в силу исторических причин, растворились среди позднейших кочевников и потому «должны быть исключены из числа прямых компонентов, какие участвовали в формировании восточного славянства».

Лесостепные племена — «будины и родственные им невры выступают как историческая основа южной отрасли восточного славянства. Скифы-пахари занимают промежуточное, еще не выясненное положение между будинами и неврами» (стр. 79).

Выше отмечалось, что И. В. Фабрициус ограничила свою задачу рассмотрением племен только собственно Скифии. Но, наряду с ними, описываются еще будины и гелоны, причем именно они занимают в ней самое центральное место; с ними же связан и наиболее ответственный вывод всего исследования, гласящий, что будины являются главными родоначальниками «южной отрасли восточного славянства». Это обязывает и нас прежде всего разобраться в вопросе об отношении указанных племен к Скифии.

По Геродоту ни будины, ни гелоны не входили в Скифию, но об этом важном обстоятельстве в статье не упоминается. Нет их у Геродота и в качестве непосредственных соседей Скифии (агафирсы, невры, андрофаги, меланхлены и савроматы, IV, 21, 57, 100), с чем, впрочем, согласна и И. В. Фабрициус (стр. 79). О местоположении земли будинов мы находим у Геродота следующие сведения: «За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу... Выше савроматов на втором доставшемся на их долю участке живут будины, запинаящие местность, сплошь покрытую разнородным лесом» (IV, 21).

Этот ясный и совершенно недвусмысленный текст истолковывается И. В. Фабрициус чрезвычайно своеобразно. «Земли будинов,— пишет она,— расположены в глубине материка, до которого „от угла Меотийского озера“ 15 дней пути. Это никак не может быть больше 600 км. Но на северо-восток и на север от устья Дона ближайшие большие лесные массивы находятся, несомненно, дальше чем на 600 км. Следовательно, будинские леса можно искать лишь в пределах Украинской ССР. Исходя из того, что Геродот не имел точных сведений о расстояниях в областях, расположенных к востоку от Днепра, мы имеем право допустить, что стык между землями скифов-кочевников, савроматов и будинов находился в северо-западном углу Харьковской области, а отсюда земли и господство будинов простирались на запад, по всему Среднему Поднепровью» (стр. 76).

Если можно согласиться с мнением И. В. Фабрициус о том, что Геродот был недостаточно осведомлен о восточной части Скифии, то этот тезис нельзя распространить и на Среднее Поднепровье. Нельзя также признать за автором какое-то «право» делать далеко идущие выводы на такой основе, как отсутствие «точных сведений» в нашем историческом источнике. Применяя такое «право», можно с наименьшим успехом, чем это делает автор, землю будинов от Харьковской области (если только она там началась) расположить не на запад, а и в любом из северных направлений, куда распространяются лесные массивы. Такой метод исследования тем труднее примирить с требованиями исторической критики, что в статье нет никакого разбора даже и тех незначительных фактических сведений Геродота о странах, лежащих к северу и к северо-востоку от Скифии, о путях к племенам, живущим в предгорьях Урала и к востоку от него (IV, 21—27).

Не упоминая о том, что, по Геродоту, земля будинов не входила в Скифию, И. В. Фабрициус пишет о наличии какого-то «стыка» между землями кочевых скифов, савроматов и будинов. Об этом стыке мы впервые узнаем из статьи И. В. Фабрициус; сам Геродот о нем ничего не знал и нигде его не упоминает, причем о наличии такого

стыка не позволяет заключить ни один из контекстов. Наоборот, существование его опровергается как вышеприведенным сообщением Геродота о будинах, так и его повествованием о походе Дария, войска которого достигают страны будинов, лишь пройдя через всю Скифию и Савроматию (IV, 122 и 123).

При всей скудности сведений Геродота об областях, расположенных к востоку от Днепра, у него имеется еще одно особенно существенное в данном случае известие, которое (как и многие другие неприемлемые для нее места Геродота) И. В. Фабрициус обходит полным молчанием. Дело в том, что Геродот непосредственно к северу от кочевых скифов, в прямом контакте с ними, помещает не будинов, а именно меланхленов. Он пишет: «Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлены, особое, не скифское племя» (IV, 20).

Пример с будинами убеждает нас в том, что «топографизация» племен Скифии не может строиться путем простого перемещения племен с одной территории на другую, только в зависимости от убеждений того или иного исследователя. Без глубокой и всесторонней критики источников такой труд может оказаться бесполезным и вызовет только недоразумение. Очевидно, если руководствоваться сведениями Геродота, будинов нельзя локализовать на территории украинской лесостепи или это должно быть обосновано более вескими доводами, чем аргументы И. В. Фабрициус.

Будинов в Среднем Поднепровье, впрочем, помещает и М. И. Артамонов, но он подходит к решению вопроса о них с совершенно иных позиций. С его точки зрения, лесостепь в основном не входила в пределы собственно Скифии и была занята будино-гелонской группировкой племен, в которую он включает и андрофагов и меланхленов. Однако рассмотрение этой гипотезы, при помощи которой М. И. Артамонов пытается примирить известные противоречия в сведениях Геродота о местоположении земли будинов, увело бы нас далеко в сторону от нашей непосредственной задачи.

Рассмотрим археологические доводы И. В. Фабрициус, которые якобы позволили ей определить местоположение земли гелонов на Тясмине.

Землю гелонов И. В. Фабрициус советует искать, руководствуясь теми этническими и культурными чертами, которые приписываются им Геродотом. Так, она пишет: «Местонахождение территориально связанных с будинами гелонов следует искать, исходя из прямых и совершенно ясных указаний на эллинизированный уклад их жизни, на полис, город-общину размерами более 20 кв. км, огражденный деревянной стеной, с деревянными домами и храмами, в которых совершались греческие религиозные обряды» (стр. 76).

Геродотова характеристика гелонов как эллинов, вышедших из торговых городов и поселившихся в глубине Скифии, была в недавнее время проанализирована М. И. Артамоновым. Он убедительно доказывает, что представление об эллинском образе жизни и языке гелонов было навеяно созвучием их имен. В то же время М. И. Артамонов устанавливает, что гелоны не были позднейшим этническим включением в составе племен Восточной Европы, а были исконными обитателями страны, в пользу чего свидетельствует легенда о трех братьях-родоначальниках — Скифе, Агафирсе и Гелоне. И. В. Фабрициус не принимает выводов М. И. Артамонова ввиду того, что, «если исключить все, что так обстоятельно и с такой определенностью сказал Геродот про гелонов, то незачем пользоваться и его номенклатурой», — гелоны — «это эллины (как не знать про них Геродоту?), которые выселились из торговых городов» (стр. 77).

И. В. Фабрициус помещает гелонов на Тясмине, скифские городища на котором специально исследовались ею в течение ряда последних лет. Тясминские памятники, в том числе в первую очередь Пастерское (Галушпнское), Шарповское, Макеевское и Будянское городища, противопоставляются ею всем другим группам памятников скифского времени в лесостепи. Все черты местной культуры отвергаются ею, так что у читателя может создаться впечатление об этом районе, как о явлении для Скифии совершенно инородном или «чуждом», как называет его в ряде случаев И. В. Фабрициус. Автор отмечает, что на Шарповском городище выплавлялось железо, производилось литье из меди, обработка кости, выделка мехов, шкур; существовало ткачество,

керамическое производство, скотоводство и земледелие. Для Тясмина может быть признана постоянная и длительная оседлость и накопление больших богатств.

Однако, как пишет И. В. Фабрициус, «...вышеприведенные факты важны постольку, поскольку они показывают, что нигде в Скифии за пределами колониальных поселений не встречаем такого выразительного освоения элементов древнегреческой культуры. Это выявляется прежде всего в близкой аналогии приольвийских и верхнетясминских погребений (VI—V вв. до н. э.). Выявляется это освоение в местном зверином стиле — наиболее разработанном из вариантов архаического скифского звериного стиля, — в многочисленных греческих сосудах культового назначения (арибаллы, лекифы, килики с соответствующими изображениями и надписями), которые встречаются и в погребениях и на городищах, в употреблении кратеров, ценность, размеры и хрупкость которых несовместимы с примитивным „варварским“ укладом. Выявляется оно и в употреблении греческих вещей для подачи вина к столу (гидрий, черпаков, ситечек и пр.)». Далее указывается на большое количество амфор в погребениях и на городищах, что свидетельствует об употреблении дорогих вин и оливкового масла, «обычных в греческом быту», отмечается «разительная» близость местной лепной посуды с ольвийской, своеобразные строительные приемы, укрепление крепостных валов при помощи специального обжига насыпи и, наконец, говорится, что верхушка населения тясминских городищ была прямо чуждой местному населению, о чем свидетельствуют некоторые могилы, в которых оказывались только греческие сосуды (стр. 70).

«Итак, — пишет И. В. Фабрициус, — пришельцы, прочно осевшие на городищах шарповской группы, на Тясмине, не могли считать себя в полной безопасности от внешних нападений. Поэтому понятна скученность городищ на небольшой территории от Макеевки до Плискачевки, мощь их оборонительных сооружений и поголовное вооружение населения, о чем свидетельствуют как находки оружия в захоронениях, так и случайные находки.

Сравнение этих фактов с известиями Геродота про город-общину гелонов свидетельствует, что именно здесь, близ верховий Тясмина, поселились „эллины, которые оставили торговые города“ (стр. 71).

Отсутствие в верховьях Тясмина большого городища, например, подобного Немяровскому или Бельскому, не смутило И. В. Фабрициус в поисках Гелона, который она, не смущаясь очевидной натяжкой, видит в совокупности Пастерского, Шарповского, Макеевского и Будянского городищ.

Греческая колонизация внутренних частей Скифии, по мнению И. В. Фабрициус, не ограничилась только бассейном р. Тясмина. «Всякий торговый город греков, — пишет она, — выпускал щупальцы-выселки на периферию. Полис Гелон к концу VI в. до н. э. успел укрепиться на близком от него понизовье Роси», которое отличается от Тясмина в скифское время только тем, что «греческий элемент появляется на Роси несколько позднее и не имеет такого большого значения» (стр. 71—73).

В таком же смысле определяется и историческое место знаменитого скифского Бельского городища на Ворскле, которое также якобы «можно рассматривать как факторию, которая возникла на торговом пути из Ольвии на северо-восток» (стр. 76).

Рассмотрим некоторые доводы И. В. Фабрициус, при помощи которых она пытается доказать существование греческих колоний во внутренних частях Скифии.

1. Аналогия между приольвийскими и верхнетясминскими погребениями. Действительно, близ Ольвии были открыты погребения раннескифского времени, которые как по устройству характерного погребального сооружения, так по обряду и составу предметов вооружения являются чисто скифскими. Однако нужно допустить большую передержку, чтобы увидеть в этих погребенных не скифов, а греков только на том основании, что при них была поставлена греческая посуда. Курганы у Аджигола (№ 1—6) и у Петуховки (№ 1) по погребальному обряду, устройству гробниц и составу сопровождающих вещей наиболее близки к курганам на Тясмине. Это обстоятельство доказывает лишь факт культурной общности скифских племен, но

ни в какой степени не служит подтверждением этнических связей ольвийских греков с населением внутренних частей Скифии.

2. Звериный стиль в изделиях Тясмина И. В. Фабрициус считает «самым разработанным из вариантов архаического скифского звериного стиля» и видит в этом очевидное свидетельство о эллиско-гелонской принадлежности местного населения, «выразительно усваивающего элементы древнегреческой культуры».

Ставя высокий уровень скифского искусства на Тясмине в прямую зависимость от творчества колонистов-греков, И. В. Фабрициус явно пытается возродить давно уже критически отвергнутые в советской археологии взгляды Фармаковского, Эберта, Шефольда, ставивших возникновение скифского искусства в зависимость от воздействия ионийского искусства, от эллинского гения. В такой же «культуртрегерской» роли эллины-гелоны выступают на Тясмине в качестве творцов лепной керамики, «самой красивой из всех местных керамик», в строительном деле, в фортификации.

3. Количество предметов греческого ввоза и их роль в жизни обитателей этой части Скифии чрезвычайно преувеличены. Мы не будем заниматься их статистикой, которая в данном случае ничего не может объяснить. Действительно, греческая керамика встречается на памятниках скифского времени на Тясмине в несколько большем количестве, чем на иных территориях. Но последнее вполне понятно, если принять во внимание, что бассейн Тясмина являлся ближайшим к северу от Ольвии местом крупного сосредоточения оседлого земледельческого населения. В этом населении с большой вероятностью видят тех самых «скифов-пахарей», которые, по словам Геродота, «сеяли хлеб не для себя, а для продажи»¹. Употребление местным населением некоторого количества греческих вещей и товаров, в том числе и вина в амфорах, не делало его гелонами, в греческую принадлежность которых так уверовала И. В. Фабрициус. Разрешим себе также выразить сомнения в достаточно хорошей осведомленности И. В. Фабрициус о том, что скифы в архаическое время еще не употребляли вина — напомним об их поведении при дворе Киаксара (Гер., I, 106).

Утрированные и тенденциозные характеристики роли греческих вещей в быту обитателей тясминских городищ говорят не в пользу концепции И. В. Фабрициус, а обнаруживают лишь недобросовестность ее аргументации. Большая или меньшая концентрация греческих вещей рассматривается ею в качестве мерила силы колонизационной струи, проникающей во внутренние части страны.

4. Пастерское (Галущинское), Шарповское, Будянское и Макеевское городища как гелано-эллинский полис Гелон. Первые два городища по своей планировке, устройству валов, остаткам жилых землянок и наземных жилищ с каркасными стенами из плетня, с глиняной обмазкой, по находкам местной лепной керамики, мелких металлических изделий (бронзовых наконечников стрел, булавок и пр.) и костяных поделок представляют собой рядовые городища скифского времени. Нет никаких оснований видеть в них центр ремесленного производства. Железоделательное производство на Шарповском городище отмечается находками шлаков, меднолитейное дело — о д н и м к у с о ч к о м ш л а к а². В описании результатов последних раскопок на Пастерском городище не упоминаются признаки ни одного, ни другого местного производства³. Очевидно, что они еще не выросли из рамок домашнего производства и не были рассчитаны на рынок. В этом отношении они решительно уступают Каменскому городищу на Нижнем Днепре, исследованному Б. Н. Граковым, с его действительно развитым металлургическим производством, приближающимся по уровню к городскому ремеслу⁴. Изготовление керамики в верхнетясминских городищах также не поднялось, что весьма характерно, выше уровня домашнего производства; оно

¹ В. А. Ильинская, КСИИМК, XL.

² И. В. Фабрициус, Тясминская экспедиция, «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, Киев, 1949, стр. 92.

³ М. Ю. Брайчевский, Работы на Пастерском городище в 1949 г., КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 155 сл.

⁴ Б. Н. Граков, Литейное и кузнечное ремесло у скифов, КСИИМК, XXII.

здесь, как и ряд веков спустя, производилось без помощи гончарного круга. Кстати отметим, что у обитателей Шарповского городища немалую роль продолжала играть охота. Почти 40% костей животных из раскопок самой И. В. Фабрициус (ук. соч., стр. 110) принадлежит диким животным, что придает хозяйственной деятельности населения значительно более экстенсивный, отсталый характер, чем другим городищам того же времени в лесостепи.

Перечитывая страницы статьи И. В. Фабрициус, посвященные путаному истолкованию Пастерского, Шарповского, Будяпского и Макеевского городищ как единого эллино-гелонского полиса Гелона, трудно свыкнуться с мыслью, что они нашли себе место в серьезном советском археологическом издании.

Настаивая на эллино-гелонской принадлежности памятников раннескифского времени на Тясмине, И. В. Фабрициус обходит полным молчанием возможность местного происхождения их культуры. Памятники белогрудовского и недавно выявленного чернолесского этапа свидетельствуют о том, что яркая и сильная культура племен Среднего Поднепровья сложилась еще в конце бронзового — в начале железного века¹. Притом расцвет ее падает на чернолесское время и время древнейших курганов скифской поры у Жаботина и Макеевки. Богатая культура во всех тех проявлениях, которые приписываются И. В. Фабрициус гелонам, сложилась на Тясмине задолго до начала греческой колонизации в Северном Причерноморье. Неужели этот факт нашей древней истории и истории культуры раннего железного века остался неизвестным И. В. Фабрициус, которая в течение последнего десятилетия специально занималась изучением памятников скифского времени на Тясмине?

В общем, попытка найти эллинов-гелонов на Тясмине, на Роси и Ворскле не имеет под собою никаких реальных оснований. Следовательно, вместе с тем отпадают и археологические доводы, при помощи которых И. В. Фабрициус помещает будинов в украинской лесостепи и вводит в состав родоначальников южной отрасли восточных славян.

Остановимся на вопросе о кочевых скифах, которые представляются И. В. Фабрициус абсолютными автохтонами. Вопреки признанному в науке факту прихода кочевых скифов с востока («другой вопрос — откуда и насколько издалека»²), в статье доказывается сугубо местное происхождение кочевников, начало культуры которых кроется в раннем веке меди и бронзы. Достигается это удивительно просто — в основном путем суммарного сравнения некоторых общих признаков. Приведем пример суждений такого рода: «Следует отметить, — пишет И. В. Фабрициус, — что как в Приазовье, так и в смежных с ним районах лесостепи в памятниках, которые нас интересуют, обычны разного рода подсыпки пола погребального сооружения в виде золы, извести, разных цветов земли и красок, которые клалось в два или в три слоя. Подобный обычай связывает (? — А. Т.) погребения скифского и доскифского времени, так же как и обычай погребения умершего в скорченном положении на боку и на спине, с поднятыми коленями» (стр. 57).

Другие исторические выводы строятся примерно таким же образом. Указывается, что в данной группе курганов имеются могилы со «скорченными и окрашенными костяками» (автора даже не интересует каких—ямных, катакомбных или срубных?), с каменными гробницами, подобные же гробницы (типологическое родство их не доказывается) имеются и в скифское время, следовательно, и в данном случае, по мнению И. В. Фабрициус, можно говорить о наличии прямой генетической связи доскифских погребений со скифскими.

Очевидно, такие методы анализа не имеют ничего общего с принятыми в археологии; руководствуясь ими, можно без большого труда доказать не только местное происхождение кочевых скифов от носителей древнейшей культуры, но по прямой восходя-

¹ А. И. Тереножкин, Скифская Днепровская правобережная экспедиция, КСИИМК, XXXVII; его же, Поселения белогрудовского типа близ Умани, «Археологія», т. V, Киев, 1951, стр. 173 сл.

² А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 39.

щей лишии и от кииккобинского человека мустьерского возраста, который, как известно, также лежал в скорченном положении.

Не случайно, что для подкрепления своих выводов И. В. Фабрициус приходится обращаться к данным неправильно веденных раскопок, какими являются раскопки Мельник-Антонович (стр. 55—57).

Статья И. В. Фабрициус напечатана, как это видно из примечания редакции, в дискуссионном порядке. Разбор ее не оставляет сомнения в том, что все основные положения статьи оказываются несостоятельными. Поставив перед собою важную задачу, И. В. Фабрициус выполнила ее на таком уровне, который не может отвечать требованиям современной науки. В ней не углубляется разработка затронутых вопросов, а запутывается; она навязывает идеи, не имеющие ничего общего с фактической историей и археологией Скифии.

Автор явно стремится к «оригинальному решению» исторических вопросов, в результате чего отбрасываются все исторические достижения как дореволюционной, так и советской археологии. Странно выглядит разработка вопросов широкой исторической проблемы, в разрешении которой автор ограничивается только территорией УССР; во всей статье имеется, например, только одна ссылка на Кубань.

Создается впечатление, что истинная цель статьи заключается не в выяснении «топографизации» племен Скифии, а в том, чтобы доказать, что греческая колонизация в Северном Причерноморье не ограничивалась прибрежной полосой, а проникла в самую глубь Скифии, в которой эллины-гелоны основали ряд торговых факторий, и далее, что именно они, греки, являются создателями всего лучшего в культуре скифских племен, в наиболее высоких проявлениях скифского «звериного стиля» в художественной керамике, в строительном деле.

Не располагая для таких и подобных леверных построений фактическими данными, И. В. Фабрициус вынуждена была пойти по пути натяжек и неправильного использования письменных и археологических сведений. В свете всего этого не приходится доказывать, что статья И. В. Фабрициус не может способствовать выяснению этнического состава племен Скифии.

Теоретические взгляды И. В. Фабрициус, как это очевидно из произведенного разбора, отличаются эклектичностью. Сильно отразились на них и ошибочные положения Н. Я. Марра. На них, например, основано утверждение об автохтонном происхождении кочевых скифов и их этническом родстве со всеми лесостепными племенами. Из того же арсенала заимствовано представление о самостоятельном сложении на местной этнической основе восточных славян, независимо от западных и южных славян, без общеславянского периода в их истории.

А. И. Тереножкин

ДРЕВНИЙ ВОСТОК. Книга для чтения. Под редакцией акад. В. В. Струве. М., Учпедгиз, 1951, 240 стр., тираж 50 000 экз. Цена 6 р. 90 коп.

Продолжая издание «Книг для чтения» по истории, предназначенных для учащихся средней школы, Учпедгиз РСФСР выпустил в свет и «Книгу для чтения по истории древнего Востока». Нет никакой необходимости напоминать о том, в какой степени нужны школьникам подобного рода пособия. Потребность в этом назрела уже давно. Выбор детской художественно-исторической и популярной литературы по истории стран древнего Востока крайне ограничен; действительно хороших книг еще того меньше, и все, что появилось даже в течение последних 10—15 лет, достать почти невозможно. Наши учащиеся остро нуждаются в пособиях для самостоятельной, внеклассной работы, которая занимает такое важное место в системе воспитания.

«Книги для чтения» должны помогать прохождению соответствующего курса, облегчать его усвоение, содействовать укреплению в памяти наиболее важных разделов программы. Их задача состоит в том, чтобы дополнять и углублять учебник, иллюстрировать отдельными конкретными фактами его содержание, отнюдь не подменяя.